

**СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ УЛАН-БАТОРА
(на примере района Баянзурх)**

© **Иерей Антоний Гусев**

настоятель Свято-Троицкого храма
Улан-Батор, Монголия,
студент Оренбургского государственного университета

© **Владислав Игоревич Терентьев**

кандидат исторических наук, учитель истории,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Улан-Баторский филиал

Рассматриваются результаты проведенного в сентябре 2019 г. в районе Баянзурх (г. Улан-Батор) методом случайной выборки опроса, цель которого состояла в выявлении отношений современных монголов к представителям православия, буддизма и ислама. Исследование осуществлялось с опорой на шкалу социальной дистанции Э. Богардуса и метод включенного наблюдения, осуществляемый с 2013 г. и позволяющий качественно осмыслить полученные в результате опроса цифры. Наряду с результатами анкетирования в тексте обсуждаются некоторые проблемы религиозной идентичности монголов. Определяются причины сложившейся ситуации и характера религиозности в Монголии.

Ключевые слова: Монголия; Улан-Батор; православие; буддизм; ислам; религиозные установки; социальная дистанция; религиозность; идентичность; самосознание; Э. С. Богардус; толерантность; миссионерство; кочевники.

**THE STATE OF RELIGIOUS LIFE IN ULAANBAATAR
(on the Example of the Bayanzurkh District)**

Priest Anton Gusev

Holy Trinity Church, Superior
Mongolia, Ulaanbaatar
Orenburg State University, Undergraduate student

Vladislav I. Terentyev

Cand. Sci. (History), Teacher of History
Plekhanov Russian University of Economics,
Ulaanbaatar Branch

The article discusses the results of a sociological survey conducted in September 2019 in the Bayanzurkh district of Ulaanbaatar by a random sampling method. The goal was to determine the relations between contemporary Mongols and representatives of Orthodoxy, Buddhism and Islam. The study was carried out on the basis of the scale of the social distance of E. Bogardus and the method of included observation, carried out since 2013, which allows to interpret qualitatively the figures obtained from the survey.

Along with the results of the questionnaire, the text discusses some of the problems of Mongol religious identity. The reasons for the current situation and the nature of religion in Mongolia are determined.

Keywords: Mongolia; Ulaanbaatar Orthodoxy; Buddhism; Islam; religious attitudes; social distance; religiosity; identity; self-consciousness; E. S. Bogardus; tolerance; missionary work; nomads.

Современные постсоциалистические государства, пройдя атеистический этап в своем развитии, выражающийся, в том числе, и в официальной борьбе с любыми проявлениями в обществе религиозности, в новых, демократических условиях проявляют особую активность в деле духовного возрождения. В зависимости от социально-политических условий и характера ликвидации любых институтов социалистического прошлого общественные элиты декларируют разные причины обращения к религии. Тем не менее, независимо от специфики дискурса возрождения, религиозный ренессанс — надежный ресурс в процессе формирования духовных основ «новой» нации, лишенной насильственным путем социалистического мировоззрения.

В интересующей нас Монголии восстановление религиозной жизни имеет своеобразный характер. Традиционно монголы исповедовали одну из форм позднего буддизма, зачастую неправильно именуемую ламаизмом. В начале XX в. ключевое место религии в самосознании монголов выражалось формулировкой «быть монголом значит быть буддистом», которая встречается в некоторых письменных документах, оставленных ламами [1, р. 40]. Помимо буддизма важную роль играло обращение к шаманам, но в современной Монголии оживление религиозности проявляется не только через традиционные конфессии. Начиная с 2000-х гг. свою нишу заняла реанимация образов великого имперского прошлого, что стало надежным способом отвлечения населения от насущных повседневных социально-экономических проблем. Вся государственная идеология нациестроительства Монголии заиклена на обращении к «золотому веку» эпохи Чингисхана и к самой личности этого неординарного правителя. Помимо веры в прошлое как особой формы религиозной идентичности монголов стоит отметить наличие большого числа суеверий, присущих населению страны степей.

Сегодня Монголия — страна этнокультурных контрастов, которые ярко демонстрируются самой проблематикой религиозного возрождения в «оазисе демократии» (высказывание госсекретаря США Джона Керри). Энергично выстраиваемое по западным лекалам демократическое государство по определению обязано быть толерантным. Именно западной культуре с ее постколониальными и постсегрегационными комплексами присуща категория толерантности — необходимого терпения (лат. *tolerantia* — терпение, терпеливость, принятие) представителя иной цивилизации и культуры. На фоне официальных заявлений о строительстве демократии монгольская нация имеет ярко выраженные черты гражданского и этнического/культурного национализма, трансформирующегося в условиях вызова в крайние формы. В обозначенных противоречивых условиях особый интерес вызывает определение характера религиозных установок у современных монголов.

Литература, описывающая религиозную дистанцию монголов, нам не встречалась, но в целом изучение религии в Монголии — определенно популярное направление в монголоведении. Критическое рассмотрение основных опубликованных работ — это тема отдельного исследования. Здесь можно обратить внимание на то, что в некоторых публикациях прослеживаются явные несоответствия существующей действительности. К примеру, иногда утверждается, что в стране «отдельные этнические группы исповедуют ислам и православие» [2, с. 155], причем по контексту можно понять, что речь идет именно об этнических группах монголов. В большинстве статей на данную тему утверждается, что

большинство населения — верующие, а доминирующее положение среди них занимают буддисты. По этому вопросу, кроме материалов государственной переписи 2010 г., сведений нет. В переписи 2010 г. 61,4% людей в возрасте 15 лет и старше идентифицировали себя верующими: 53% — буддисты, 3% — мусульмане, 2,9% — шаманисты и 2,1% — христиане. Как видно, христиан (преимущественно протестантов) в стране становится примерно столько же, сколько и шаманистов. По неоднократным высказываниям наших собеседников, каждый монгол — шаманист, ведь «он в случае чего первым делом идет к шаману, а затем и к ламе». Если это так, то информация, полученная в процессе личных бесед и наблюдений, не соотносится с официально декларируемыми материалами.

На указанные статистические данные ежегодно ссылаются сотрудники Посольства США в Улан-Баторе, которых трудно обвинить в некомпетентности. Эти сведения учитываются ими при подготовке отчетов по религиозной свободе, размещаемых на официальном сайте дипмиссии [3]. Из актуальных сведений (на 2018 г.) имеются только данные по количеству культовых сооружений: буддийских — 134, христианских — 196 и мусульманских — 24 [4]. С целью выявления отношения современных столичных монголов к представителям православия, буддизма и ислама в сентябре 2019 г. в столице Монголии Улан-Баторе нами был проведен выборочный опрос по методике, разработанной американским социологом Э.С. Богардусом, известной как «шкала социальной дистанции». В процессе исследования респондентам было предложено оценить длину социальной дистанции по отношению к трем обозначенным выше религиозным конфессиям. Участникам опроса был задан единственный вопрос-задание: «Отметьте, до какого минимального уровня социальной дистанции Вы могли бы взаимодействовать с представителями данной религиозной конфессии». Предложены следующие варианты ответов, каждому из которых присваивался балл:

- до тесного родства посредством брака — 1 балл;
- до членства в моем клубе как с личным другом — 2 балла;
- до проживания на моей улице как с соседом — 3 балла;
- до работы по моей профессии — 4 балла;
- до гражданства в моей стране — 5 баллов;
- в моей стране только как с иностранным туристом — 6 баллов;
- предпочел не видеть в моей стране — 7 баллов.

Респонденты могли выбрать несколько значений в зависимости от своего отношения к представителям каждой группы. При нескольких ответах, данных респондентом, засчитывался средний балл. Вычисленный средний ранг полученных ответов показывает социальную дистанцию по отношению к религиозной группе. Чем больше дистанция, тем хуже относятся респонденты к представителям той или иной конфессии. В связи с тем что, по общим представлениям, Монголия — буддийская страна (несмотря на то, что здесь, согласно официальным данным, только каждый второй — буддист), ожидалось, что минимальная социальная дистанция будет выражена в отношении «титульной» конфессии. Факт наличия в стране и активного прозелитизма протестантских деноминаций предполагал наличие социального разрыва между монголами и представителями православия. Тем не менее результаты опроса показали, что значения дистанции выглядят приблизительно одинаково: православие — 3,62; буддизм — 3,58; ислам — 4,73.

Определенную сложность вызывает попытка интерпретации полученных данных. Нами специально делается акцент на район проведения опроса — Баянзурх, в котором расположен единственный в стране православный храм. Возможно, эта локальная особенность повлияла на указанные цифры. В то же время это может свидетельствовать и об индифферентной религиозной идентичности, присущей многим постсоциалистическим обществам. Третий вариант — специфическое отношение самих монголов к буддизму, который воспринимается иногда в массовом сознании как религия не традиционная для монголов, а навязанная извне китайцами для подавления воинственного духа кочевников.

Тем не менее показатель 3,62 в отношении православных и 3,58 в отношении буддистов говорит о том, что опрошенные монголы воспринимают данные религии как «свои» [5, с. 59]. При этом в 34% бланков по отношению к православным были одновременно отмечены крайние значения: «До тесного родства посредством брака» и «Предпочел бы не видеть в моей стране». Данное кажущееся противоречие говорит, что одновременно с высокой степенью принятия христиан монголы стремятся сохранить свою идентичность.

Перед проведением опроса гипотетически предполагалось, что благодаря деятельности СМИ и Интернета сформированный негативный образ ислама будет ретранслироваться и в ответах наших информаторов. И это, несмотря, во-первых, на наличие в стране казахов-мусульман, составляющих примерно 4% населения и компактно проживающих на западе, в Баян-Ульгийском аймаке, являющемся фактически моноэтническим (если не учитывать немногочисленных халха-монголов и тувинцев); во-вторых, на устойчивый среди горожан (т. е. жителей столицы, поскольку в повседневном представлении в Монголии один город — Улан-Батор) стереотип, согласно которому один из удаленных дистриктов (районов) столицы — Налайх является местом компактного проживания казахов. Тем не менее, несмотря на перечисленные факторы, устойчивое негативное отношение к представителям ислама продемонстрировали и опрошенные нами монголы, о чем свидетельствует показатель 4,73, т. е. представителя ислама опрошенные воспринимают как «не совсем своего и не совсем чужого» [5, с. 59], что близко к действительности.

Постсоциалистическое светское общество одинаково прохладно относится к любым проявлениям религиозности, готово терпеть и принимать религии рядом с собой, не ассоциируя себя с какой-либо из них. В полученных результатах можно видеть высокую степень толерантности, граничащую с безразличием. Данные результаты необходимо преимущественно экстраполировать на конкретный дистрикт (район) столицы — Баянзурх. В дальнейшем планируется проведение подобного опроса по всему городу, что позволит дать более корректные сведения по степени религиозности населения столицы Монголии.

Литература

1. Birtalan A. Religion and Mongol identity in the mid–19th century Urga. On the basis of a Mongolian monk's oral narratives recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873 // *Quaestiones Mongolorum disputatae*. 2012. № 8. P. 25–54.
2. Жуков А. В. Факторный анализ становления монгольской религиозности // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 2. С. 154–160.
3. Mongolia 2018 International religious freedom report [Электронный ресурс]. URL: <https://mn.usembassy.gov/our-relationship/official-reports/2018-international-religious-freedom-report/> (дата обращения: 06.08.2019)

4. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: http://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_2003_001V1&SOUM_select_all=0&SOUMSingleSelect=_5_0&Religion_select_all=0&ReligionSingleSelect=_12_11_13&YearY_select_all=1&YearYSingleSelect=&viewtype=table (дата обращения: 07.09.2019).

5. Сергеев В. М. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 57–61.